

Я. ЗАБЛОЦКИ*

**ПО СОВЕСТИ:
ЗАМЕТКИ ПО ПРАВУ И ЭТИКЕ
В РИМЕ**

Наследие Древнего мира снабдило нас моделями не только права, но и практики применения права в соответствии с собственной совестью. Авл Геллий в «Аттических ночах» рассказывает немало поучительных историй о достойных жизни и поведении. В статье обсуждаются четыре таких истории, в которых: судья воздерживается от вынесения вердикта, так как случай неясен (Gell. 14.2); вердикт отсрочивается на отдаленный срок (Gell. 5.10); отсрочивается сам спорный казус (Gell. 12.7); судья вынес своей вердикт, но сомневается, является ли его решение правильным (Gell. 1.3).

Ключевые слова: *Aulus Gellius, Аттические ночи, европейская правовая культура, обязанности судьи, дружеский долг, право и мораль, римское право.*

The legacy of the ancient world provides us with the models as regards not only law but also the practice of law in accordance with one's own conscience. Aulus Gellius's «Attic Nights» tells a number of didactic stories of the honest life and upright conduct. This article discusses the four of them: a judge abstains from passing the verdict in the uncertain case (Gell. 14.2); a judge has postponed his verdict is to a distant future (Gell. 5.10); the case itself is postponed (Gell. 12.7); a judge has passed the verdict, but is in doubt as to whether his decision was right (Gell. 1.3).

Keywords: *Aulus Gellius, Attic Nights, European legal culture, duties of a judge, duties to friends, law and morality, Roman law.*

Выступая на международной конференции, созванной для того, чтобы почтить памятью 20-летие со дня смерти профессора Энрика Купи-

---

* Ян Заблоцки — профессор римского права Университета им. Кардинала Стефана Вышинского (г. Варшава, Польша). В основе статьи лежит доклад, прочитанный на XI Международном научном семинаре «Римское право и современность» на тему «Система римского публичного права как основа современного европейского публичного права», проходившем 15–17 ноября 2015 г. в Новедрате (Комо, Италия). Перевод с итальянского Л.Л. Кофанова.

шевски¹, профессор Марек Курылович вспомнил об одном его предсказании: «Интерес к институтам римского права... будет сохраняться до тех пор, пока будет оставаться в силе институциональная система кодексов»². Эта система, которая, вопреки многочисленным, в том числе и недавним, прогнозам, продолжает существовать, одновременно предлагая сравнить себя с римскими институтами, а современные инструменты уместно сравнивать в анализе с адекватными инструментами.

В дальнейшем Курылович предсказывал плодотворный союз между историческими исследованиями и наукой современного права и еще более глубокое исследование синтеза римского права, которое может служить введением в современное частное право. Курылович пытался расширить область исследования связующих нитей между римским правом, историей искусства и литературой, всем классическим наследием. В устной беседе с неким «молодым романистом из Люблина» он попытался приоткрыть новые, тонизирующие перспективы римского права³. Тем молодым ученым был Мачей Жонка, который среди прочего предложил «потихоньку приближать как Польшу, так и весь мир к вершинам римского права. Если мы разумны, то, может быть, однажды мы сможем убрать фразу «*ius romanum* — это одна из основ западной культуры» из числа общих мест»⁴.

А что еще надо помимо этого? Еще более углубиться в богатство античного мира? Необходимо не только заниматься поисками моделей хорошего права, но и учиться, как следует хорошо и по совести применять его.

С позволения читателей я буду руководствоваться Авлом Геллием и вышедшим из-под пера этого антиквара трудом «*Noctes Atticae*». Геллий рассказал столько историй, обучавших тому, как жить и как вести себя⁵. В четырех из них героями являются судьи⁶. В первой истории судья отказывается выносить судебное решение, так как случай не был ему ясен⁷; во второй — откладывает вынесение решения на неопределенный срок⁸; в третьей — отсрочивает судебные дебаты⁹; в четвертой — выносит судебное решение, но не убежден в его правильности¹⁰.

¹ См.: Benincasa 2014, 241 ss.

² См.: Kupiszewski 2013, 294.

³ Kuryłowicz 2015, 110.

⁴ Jońca 2012, 341.

⁵ См.: Ruxer 1934; Astarita 2005, 65 e ss.; Zabłocki 2008.

⁶ См.: Zabłocki 2000, 1115–1126.

⁷ *Gell.* 14.2.

⁸ *Gell.* 5.10.

⁹ *Gell.* 12.7.

¹⁰ *Gell.* 1.3.

В первой истории судьей является сам Авл Геллий, еще молодой и неопытный¹¹. Будучи частным судьей в некоем формулярном процессе, он должен был разрешить спорное дело, касающееся возвращения займа. На предварительной стадии процесса истец не представил никаких документов, не представил никаких свидетелей, способных подтвердить заключение договора займа, и вообще не предъявил никаких иных доказательств. Тем не менее он был человеком с незапятнанной репутацией, достойным доверия и известным своей добротой, в отличие от ответчика — личности, окруженной сплетнями, пользующейся блатом у важных лиц, не раз привлекавшейся к суду за вероломство и мошенничество.

Можно было предположить, что кредит был дан по неосторожности или же истец потребовал его возврата без правомерного мотива; в любом случае не хватало доказательств; быть может, он желал неправомерно обогатиться в ущерб известному мошеннику и тем самым был еще большим плутом. Ответчик же претендовал не только на оправдание, но и на осуждение истца на основании некоего *iudicium calumniae decimae partis*¹². Таким образом, спор шел не только о займе, но и о достоинстве.

Геллий не знал, что делать. Он был убежден, что истец заслуживает уважения, ответчику же он не доверял. С целью избежать опрометчивого решения он обратился за разъяснениями к друзьям, как это вообще было принято в Риме у судей по частным делам. Однако друзья, опытные судьи и адвокаты трибуналов, оторванные от их собственных тяжб, очень спешили. Без тщательного изучения дела они посоветовали оставить ответчика в покое, раз нельзя доказать, что он взял эти деньги. Они не были убеждены.

Тогда в силу своей *officium iudicis* он попросил совета¹³ у Фаворина из Арелаты¹⁴, знаменитого тогда философа. В духе Катона¹⁵ Фаворин не обратил внимания на отсутствие свидетелей и посоветовал Геллию опереться на вторичный критерий — репутацию сторон.

Но и этот совет не показался Геллию хорошим. Он не намеревался выносить судебное решение о добропорядочности сторон спора. Он дол-

---

¹¹ Ср.: *Gell.* 14.2. См. также: Baldwin 1975, 12 ss.; Keulen 2009, 221 ss.

¹² Ср.: G. 4.174–179. См. также: Kelly 1966, 102 ss.

¹³ Ср.: Harries 1999, 103; Gunderson 2009, 70 ss.; Bablitz 2007, 89.

¹⁴ Быть может, моделью для «*Noctes Atticae*» послужили, как упоминает сам Геллий (pref. 8), *παντοδαπῆς ἱστορίας* Фаворина. Его философские идеи известны главным образом благодаря Геллию, который сделал его героем стольких дискуссий по проблемам грамматики, философии и права. См.: Holford-Strevens 2005, 98 ss.

¹⁵ Прочитированный Геллием отрывок взят из речи Катона *Pro L. Turio contra Cn. Gellium*, *Malcovati fr.* 206.

жен был провозгласить решение по поводу займа, а не выносить некий *iudicium de moribus*¹⁶. Будучи должным выбрать между обязанностью вынести судебное решение¹⁷ и отказом провозгласить решение *de moribus*, Геллий предпочел отказаться от вынесения судебного решения. Он оправдался своим юным возрастом и неопытностью, подтвердил отказ от вынесения судебного решения клятвой *sibi non liquere*: иными словами, он признал, что ему не удалось достичь ясности в деле¹⁸.

В другой раз, когда казус оказался особенно закрученным, судьи отсрочили судебные дебаты на неопределенное время. В связи с этим Авл Геллий вспоминает спор о вознаграждении между знаменитым учителем риторики Протагором и его учеником Эватлом¹⁹. Этот последний предложил Протагору сказочное вознаграждение. Внеся предварительно первый взнос, он обязался передать вторую часть после того, как выиграет первый процесс. Тем не менее, завершив курс риторики, он не приступил к карьере судебного оратора. Он был вызван в суд преподавателем, уверенным, что в любом случае дело пойдет и удастся достичь всего условленного: в силу судебного решения, если он его выиграет, в силу договора, если он проиграет дело. В результате Эватл сделал по-своему, прямо противоположным образом: в обоих случаях он не платил или потому, что судебное решение не давало ему для этого основания, или из-за того, что проиграл свое первое дело, ведь в силу договора он должен был его выиграть²⁰. Судьи решили отложить вынесение судебного решения; они отсрочили судебные дебаты на неопределенное время²¹.

В сущности, аналогичное решение было вынесено судьями, приглашенными решить случай между одной женщиной из Смирны, обвиненной в отравлении мужа и сына²². Бесспорно, этот знаменитый случай сле-

¹⁶ Ср.: *Cic. De inv.* 2.37; *Auct. ad Her.* 2.3.5; Tarwacka 2014, 239–240.

¹⁷ Нарушение обязанности судить влекло за собой цензорскую *nota* или преторскую *multa*. Ср.: *Misztal-Konecka* 2012, 117.

¹⁸ Ср.: *Zabłocki* 1996, 215–226; *Idem* 1999, 84 ss.

¹⁹ *Gell.* 5.10. Кроме того, см.: *Keulen* 2009, 31 n. 47.

²⁰ Похожее соображение см.: *Gell.* 9.16. Мишталь-Конецка (*Misztal-Konecka* 2012, 114 n. 3) справедливо отмечает, что противники противостояли не только друг другу, но и каждый самому себе. Оба рассчитывали на благоприятное для себя судебное решение, а в случае неблагоприятного решения оба обращались к договору.

²¹ *Zabłocki* 1999, 100 ss.; *Holford-Strevens* 2005, 290 ss.

²² См.: *Gell.* 12.7. Данный случай находится в VIII, а не в IX книге, как утверждает Геллий в *Factorum et dictorum memorabilia* у Валерия Максима (8.1.amb.2), где Долабелла является Публием. Ср.: *Bernardi-Perini* 1992, 904 n. 2; *Holford-Strevens* 2005, 79, 316.

дует отметить. Женщина была ответчицей, признавшей в преступлении: она отравила их, так как они убили ее сына от первого брака. Проконсул Долабелла²³, тогдашний наместник Азии, ответил, что обсудит дело в *consilium*. Но никто из членов совета не счел возможным судить: быть может, все они были убеждены, что оба отравленных заслуживали такого наказания. Долабелла проинформировал об этом случае ареопагитов Афин, но и они должны были убедиться в том, что поспешное решение не установило бы справедливости. И поскольку не было спешки, они попросили женщину и ее обвинителей вернуться к этому делу через 100 лет²⁴.

Отсрочивая дело *ad kalendas graecas* или отодвигая слушание дела на неопределенное время, иными средствами они достигали того же, что и Авл Геллий, который, движимый сомнениями скорее морального, нежели правового, характера, представил клятву *rem sibi non liquere*, чтобы отказать от вынесения судебного решения.

Оказавшись в трудной ситуации, Хилон Лакедемонянин, один из семи мудрецов и эфоров Спарты, повел себя иначе²⁵.

Незадолго до смерти Хилон доверился друзьям в том, что ни в чем не испытывает раскаяния. Только один случай, о котором было неясно, совершен ли он согласно справедливости, заботил Хилона.

Он находился среди трех судей, назначенных судить совершенно очевидный случай, наказуемый смертью. Обвиняемый был его другом. В соответствии с правом следовало присудить к высшей мере наказания. Что делать: присудить друга к смерти или нарушить закон²⁶? Хорошая дилемма. Обсуждается вопрос, как выйти из данной ситуации без потери лица. Появляется некая коварная идея. Он достойно высказывается за осуждение, но убеждает других судей высказаться за оправдание. Он считает, что ему удалось рационально соединить обязанность судьи и долг дружбы. Но сомнение в этом осталось и грызло его всю жизнь²⁷.

До каких пределов правомерно доходить в помощи другу? Вплоть до нарушения закона, обычаев, смысла справедливости? Во всех случаях или

---

²³ См.: Broughton 1952, 139.

²⁴ Zabłocki 1999, 103 ss. `

²⁵ Ср.: *Gell.* 1.3. История о Хилоне воспроизводится также у Диогена Лаэртского (1.71). См. также: Keulen 2009, 229 ss.

²⁶ Римские коллегальные суды могли выносить судебные решения по большинству голосов, когда один из судей воздерживался от голосования, не прояснив для себя дело (см.: D. 42.1.36). При отсутствии одного из трех судей приговор не мог быть вынесен (см.: D. 42.1.39). Ср.: Misztal Konecka 2012, 118.

²⁷ Ср.: Zabłocki 1999, 105 e ss.

только в некоторых? И каким образом? Это старые, очень болезненные — подтверждает Геллий — проблемы уже и для древних.

Весьма проницательным с этой точки зрения, говорит Геллий, был Феофраст, выдающийся перипатетик, автор трактата «*De amicitia*»²⁸ в трех книгах, из которых для нас важна первая. Из Геллия мы знаем, что Цицерон знал этот его трактат²⁹. Он воспользовался им и переработал его в своем «*Laelius de amicitia*»³⁰. Что касается трудной дилеммы Хилона, то об этом Цицерон сказал немного слов, которые Геллий полностью воспроизводит: «Итак, я полагаю, что следует держаться тех принципов, когда обычаи друзей безупречны и когда между ними согласуются, без каких бы то ни было исключений, все их планы, намерения и дела. Но когда дело касается жизни и чести, выступаешь на стороне даже того друга, который поступил неправомерно, при условии, что затем не подвергнешься чрезмерному позору»³¹. Геллий комментирует следующим образом эти слова: когда речь идет о жизни и добром имени друга, можно не придерживаться прямого пути. Но как долго, до куда, насколько можно запачкаться в какого рода беззаконии? Он этого не уточняет, но все же должен осознавать требование придерживаться каких-то границ, если вкладывает в уста Цицерона утверждение, которое, *expressis verbis*, в трактате «*De amicitia*» отсутствует: «За друга не поднимают оружие против отечества»³².

Быть может, Геллий находился под влиянием трактата «*De officiis*»³³, во всяком случае, нельзя исключать, что он его знал. Проблема обязанностей дружбы, отмечает арпинатец, довольно запутана, особенно в отношении тех услуг, предоставление которых справедливо было бы отвергнуть, и тех услуг, запрет которых справедливо было бы предоставить. Таков его совет. Никогда не следует предпочитать дружбу, которая полезна только нам: богатства, почести, развлечения и другие подобного рода удовольствия. И тем не менее никогда не следует ради друга восставать против

---

²⁸ Геллий (*Gell.* 13.5) упоминает, что Феофраст включается в число наиболее способных учеников Аристотеля и что по воле своего учителя он взял на себя направление школы перипатетиков. О деятельности и философском учении Феофраста см.: Reale 1997, 125 ss., с обширной библиографией.

²⁹ См.: Gunderson 2009, 246 ss.

³⁰ Именно Сулла в 83 г. до н.э. привез в Рим рукописи Феофраста. См.: Tatarkiewicz 1995, 158, который на с. 154 справедливо отмечает, что все философские сочинения Цицерона заимствованы у греков.

³¹ Ср.: *Cic.* *Lael.* 61.

³² *Gell.* 1.3.18: *Contra patriam arma pro amico sumenda non sint*; ср.: *Cic.* *Lael.* 36.

³³ *Cic.* *De off.* 3.43–44.

отечества, нарушать клятву, не держать слова: даже судья, назначенному вынести приговор в отношении друга, — одетый в тогу судья снимает с себя одеяния друга. Как судья друг может сделать очень немногое: назначить слушания на удобную дату, если только закон это допускает. Когда, будучи приведен к клятве, судья оглашает приговор, он призывает в качестве свидетелей богов или же собственную совесть, которая для Цицерона является божественным даром, наиболее божественной частью человека. Хорош переданный потомкам обычай требовать от судьи «делать то, что он может делать по вере». Таким образом, следует помогать другу тогда, когда этому не препятствует достоинство должности. Не всякая просьба между друзьями является священной: когда это так, то это уже не дружба, а заговор.

Геллий вспоминает, что для знаменитого и удостоившегося всех почестей Перикла Афинского дружба не могла выходить за пределы, установленные верой³⁴. На просьбу одного своего друга нарушить ради него клятву Перикл ответил: «Справедливо помогать друзьям, но почитая при этом богов»³⁵ (несколько точнее это правило воспроизводится в «Moralia» у Плутарха: «Дружба отступает перед алтарем»³⁶).

От Цицерона Геллий переходит к Феофрасту, который в своей манере намного лучше отражает данный аргумент, не опускаясь до деталей и не отвлекаясь на излишние примеры, концентрируясь на главном в кратких и ясных выражениях: «Можно запачкать себя в малом, маргинальном позоре или бесчестье, если нет иного способа помочь другу в очень важном деле. Малый урон для чести, причиненный ради помощи другу, может быть компенсирован незатронутым достоинством друга... Но это не так, когда на одну чашу весов положено преимущество, важное для друга, а на другую — наше достоинство. В этом случае, вне всякого сомнения, наше достоинство превалирует. Но когда преимущество для друга очень значительно, а потери для нашего достоинства минимальны, то преимущество друга превалирует» (*Gell.* I.3.23–25).

Также и в этом случае Геллий обращается к своему современнику, философу Фаворину, для которого «то, что люди называют услугой, не что иное, как ослабление в исполнении обязанностей»³⁷.

От Феофраста Геллий воспринимает призыв не судить о поведении людей, не обдумав обстоятельств, места, времени и мотивов их действий.

³⁴ Мы встречаем Перикла у Геллия: *Gell.* 15.17.1.

³⁵ *Gell.* 1.3.20: Δεῖ μὲν συμπράττειν τοῖς φίλοις, ἀλλὰ μέχρι τῶν θεῶν.

³⁶ Μέχρι τοῦ βουῶ φίλος εἰμι, ср.: *Plut. Moralia* 186 C; 531 C; 808 A. См. также: Bernardi-Perini 1992, 146, nt. 7; Holford-Strevens 2005, 113.

³⁷ *Gell.* 1.3.27: Ἡ καλουμένη χάρις παρὰ τοῖς ἀνθρώποις, τοῦτο ἐστὶν ὕφεσις ἀκριβείας ἐν δέοντι. (= Fav. fr. 100 Garigazzi).

Ну вот мы и прибыли к заключению.

Авл Геллий в своих кратких историях, лишь слегка здесь резюмированных, и во всем своем одновременно антикварном и весьма дидактическом произведении, без всякого сомнения, основывался на этике. Он интересовался правом в той мере, в какой оно переплеталось с этикой: в то время было так.

Для Геллия такая связь даже не подлежит обсуждению. Потому что ее особые черты позволяют желать лучшего: не подвергаясь риску толкования дилетанта, но читая источники, руководствоваться авторитетом знаменитостей. Геллий получает удовольствие от того, что помещает эти особенности в судебные разбирательства. Когда великие древние мудрецы соотносились с правом, они обычно не отделяли его от морали. Пути того и другого еще не были разделены, это произошло, но позднее. Именно об этом среди прочих и писал профессор Генрик Купишевски³⁸.

Изучая институты римского права, давайте не будем пренебрегать теми этическими компонентами, которые пронизывают его³⁹. Тогда ему легко будет слиться с нашим повседневным правом.

Литература

1. *Astarita M.L.* 1993: La cultura nelle «Noctes Atticae». Catania.
2. *Benincasa Z.* 2014: Świat antyczny w oczach Profesora Henryka Kupiszewskiego. Międzynarodowa Konferencja, Warszawa 3 kwietnia 2014 r. // *Zeszyty Prawnicze*. 14.2, 241–243.
3. *Bablitz L.* 2007: *Actors and Audience in the Roman Courtroom*. London; New York.
4. *Baldwin B.* 1975: *Studies in Aulus Gellius*. Lawrence.
5. *Bernardi-Perini G.* 1992: *Le Notti Attiche di Aulo Gellio*. II. Torino.
6. *Broughton T.R. S.* 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. II. New York.
7. *Gunderson E.* 2009: *Nox Philologiae. Aulus Gellius and the Fantasy of the Roman Library*. Madison.
8. *Harries J.* 1999: *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
9. *Holford-Strevens L.* 2005: *Aulus Gellius. An Antonine Scholar and his Achievement*. 2nd ed. Oxford.
10. *Jońca M.* 2012: *Prawo rzymskie. «Marginalia»*. Lublin.
11. *Kelly J.M.* 1966: *Roman Litigation*. Oxford.

---

³⁸ См.: Kupiszewski 2013, 243 ss., 317.

³⁹ См.: Kuryłowicz 1996, 125–136; Idem 1988, 71–83; Idem 2013, 161–167.

12. *Keulen W.* 2009: Gellius the Satirist. Roman Cultural Authority in «Attic Nights». Leiden; Boston.
13. *Kupiszewski H.* 2013: Prawo rzymskie a współczesność. 2nd ed. Kraków.
14. *Kuryłowicz M.* 1988: Rzymskie sentencje prawnicze o człowieku, sprawiedliwości i prawie // *Palestra.* 33.7, 71–83.
15. *Kuryłowicz M.* 1996: Etyka i prawo w sentencjach rzymskich jurystów // W kręgu problematyki władzy, państwa i prawa. Księga jubileuszowa prof. Henryka Groszyka. Lublin, 125–136.
16. *Kuryłowicz M.* 2013: Prawo rzymskie. Historia, tradycja, współczesność. Lublin, 161–167.
17. *Kuryłowicz K.* 2015: «Illotis manibus». Henryk Kupiszewski i współczesne dyskusje romanistyczne w Polsce // *Zeszyty Prawnicze.* 15.2, 99–112.
18. *Misztal-Konecka J.* 2012: Sędziowski obowiązek wydania wyroku: regulacje prawa rzymskiego na tle prawa polskiego // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 64.2, 113–124.
19. *Reale G.* 1997: Storia della filosofia antica. III. I sistemi dell'età ellenistica. 5th ed. Milano.
20. *Ruxer M.S.* 1934: Z ateńskich wspomnień uniwersyteckich Aulusa Gelliusa. Poznań.
21. *Tarwacka A.* 2014: Urząd cenzora w świetle «Nocy attyckich» Aulusa Gelliusa // *Zeszyty Prawnicze.* 14.3, 221–252.
22. *Tatarkiewicz W.* 1995: Historia filozofii. I. Filozofia starożytna i średnio-wieczna. 14th ed. Warszawa.
23. *Zabłocki J.* 1996: «Iudex qui iuravit sibi non liquere» // *Prawo Kanoniczne.* 39.3–4, 215–226.
24. *Zabłocki J.* 1999: Rozważania o procesie rzymskim w «Noctes Atticae» Aulusa Gelliusa. Warszawa.
25. *Zabłocki J.* 2000: Appunti sull' «officium iudicis» nelle «Noctes Atticae» // Au-delà des frontières. Mélanges de droit romain offerts à Witold Wołodkiewicz. II. Varsovie, 1115–1126.
26. *Zabłocki J.* 2008: The Intellectual Background of Aulus Gellius // *Diritto@Storia. Rivista internazionale di Scienze Giuridiche e Tradizione Romana.* 6 (<http://www.dirittoestoria.it/6/Tradizion-romana/Zablocki-Jan-Intellectual-background-Aulus-Gellius...> 2008-04-01).

J. ZABŁOCKI

**SECONDO COSCIENZA:
APPUNTI SU DIRITTO ED ETICA
A ROMA**

RIASSUNTO

L'articolo affronta il problema del rapporto tra il retaggio giuridico romano e, più in generale, dell'antichità classica, e i fondamenti della cultura europea. Si riflette sui principi del buon diritto e su come questo dovrebbe applicarsi secondo coscienza. Il discorso attinge alle *Noctes Atticae*, l'opera antiquaria di Aulo Gellio, prodiga di aneddoti su come vivere e comportarsi onestamente. I protagonisti di quattro di questi ben noti episodi sono magistrati. Nel primo il giudice si dichiara incompetente a pronunciare sentenza perché il caso non gli è chiaro (Gell. 14.2); nel secondo, la sentenza viene rimandata a tempo indeterminato (Gell. 5.10); nel terzo, il processo

è prorogato (Gell. 12.7); nel quarto, il giudice non è certo dell'equità della sentenza che ha pronunciato (Gell. 1.3).

Il parametro di indagine dei racconti, come di tutta l'opera di Aulo Gellio, marcatamente didattica, è l'etica. Il diritto nei casi trattati si incrocia con l'etica perché, all'epoca, la legge soleva intrecciarsi con la morale. Aulo Gellio è bravo a dimostrarlo. Quando i problemi sono complicati, non interpreta da solo le fonti, ma si richiama all'autorevolezza dei celebri e grandi, citandone volentieri gli scritti. Per i saggi antichi il diritto e la morale erano da porsi su un unico piano. Il tempo della separazione sarebbe venuto più tardi.